

СОВРЕМЕННОСТЬ, НО НЕ МОДЕРНИЗАЦИЯ!

— Вы не знаете почему местная интеллигенция не любит театр? — начал разговор В. К. Борисов, директор театра.

Вопрос поразила бы своей категоричностью, доведись его услышать впервые. Но задавали его не раз.

Сказать по этому поводу можно было немало. Но хотелось прежде узнать, что делает сам театр для укрепления дружбы со зрителем. Как ищет пути в людским сердцам, какие цели перед собой ставит?

— Наша цель, — заявила директор, он же председатель художественного совета, — переход на бездотационную работу.

Путь к сердцам, прямо скажем, не из самых простых. Трудно возражать что-либо против этой задачи, безусловно важной и насущной. Плохо только, если в своей репертуарной политике театр руководствуется прежде всего «кассовыми» соображениями.

Что ставит театр — это, пожалуй, первый и главный вопрос в проблеме контакта со зрителем. Бесспорно одно — спектакль должен интересовать. А вот чем интересоваться? Вольнута автором, или только увлечет острый сюжет, наведет ли на размышления режиссерский поиск или просто понравится талантливо исполненная комическая роль — это далеко не одно и то же и не должно быть безразлично хорошему творческому коллективу. Так что вслед за вопросом: «Что ста-

вить?» неизбежно должен появиться другой: «Для чего ставить?»

Пьеса Д. Каллегары «Опавшие жизнью», написанная в начале 50-х годов, вряд ли отражает жизнь сегодняшней

чего не скажешь, «поучительная» концовка!

Спектакль воспринимается охотно. Хорошая игра большинства актеров, удачное оформление создают иллюзию закономерности этого успеха. Но высказы-

глубоким психологизмом найдает отклик в душе зрителя при очень чутком и любовном отношении театра к автору. У Каллегары — иное. Бурное развитие действия с нарядной дозой детективности увлечет само по себе, даже независимо от выдвигаемой идеи.

Говорят, это родился прямо на сцене, во время спектакля. Актриса вдруг сказала: «Вот у Елизаветы Николаевны детям вместо имен дали клички: мальчик — Атом, а девочка — Электроника, хотя по тексту было «Эрик» и «Эротика». И вырвалось это не случайно, а из глубокой потребности жить на сцене сегодняшним днем со всеми его приметам, даже внешними.

«Чужой ребенок» — пьеса, бесспорно, блестящая в сценическом отношении. Но никакие попытки осовременить ее устарелый конфликт за счет внешних деталей — декораций, новых терминов, бодрой песенки «Пусть всегда будет мама» — не приблизят спектакль к тому, что волнует сегодняшнюю молодежь.

Театру нужна пьеса на тему, близкую сегодняшнему зрителю.

— Напишите, — живо откликнется А. С. Подобед. — Напи-

шите такую пьесу, и я с удовольствием ее поставлю.

Можно назвать в ответ немало известных имен. Но хочется вспомнить сейчас одно — Николай Алексеевич Пичугин, карагандинский писатель. Так же горячо сказал ему три года назад Подобед: «Напишете!», и Н. А. Пичугин принес в театр пьесу «Шуркино дело». Написанная о Караганде и для Караганды, она опубликована за эти годы в журнале «Простор», в репертуарном сборнике республиканского Дома народного творчества, в сборнике «Твой огни, Караганда», издана для рекомендаций театрам Всесоюзным управлением охраны авторских прав. Но так и не увидела до сих пор сцены Карагандинского театра, хотя была включена в репертуар и даже красовалась на афише.

«Шуркино дело» — глубоко психологичный рассказ о шалтерской молодежи, о рабочей совести и силе товарищеской поддержки. Не берусь судить о сценических достоинствах пьесы, но необходимость этой темы сейчас неоспорима. Если театр не согласен с драматургической подачей хорошего литературного материала — его долг вместе с автором доработать произведение. Так делают лучшие коллективы страны, и подобное возмущество всегда оказывается плодотворным.

Несомненно, живая связь со зрителем также помогла бы театру в его работе над репертуаром. До сих пор эта связь выражалась лишь в мимолетных и стихийных обсуждениях спектаклей. Теперь решено следить все иначе, с привлечением к обсуждению пьес представителей общественности. Есть даже мысль создать нечто вроде нештатного актива, для чего предприятиям, учреждениям, институтам предложено, по выражению директора «выделить по представителю». Это хорошо. Но такая вот обязательность настораживает. Не будет ли формальным и малоэффективным такой «совет представителей»? Может быть, есть смысл больше прислушиваться к мнению творческого коллектива самого театра?

Мне вспомнился спектакль по пьесе Ю. Эдлеса «Аргонавты» в интересной постановке молодого режиссера Г. Жеземира. Я видела живую реакцию зрителей, я слышала взволнованный разговор после спектакля:

— Хотелось бы чаще видеть на сцене пьесы о сегодняшнем дне, — сказал тогда инженер Балтабай Жакибаев. — Чтобы научиться в театре отношению к жизни, к работе, к людям.

Мне кажется, это и есть ответ на вопрос директора.

Г. БЕРКОВСКАЯ,
(Нам корр.)

г. Караганда.

К ИТОГАМ СЕЗОНА В КАРАГАНДИНСКОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ

Италии, с ее влиятельной Компартией и крепким рабочим классом. На большие социальные обобщения автор не претендует. Заставить пьесу «прозвучать» в наши дни может лишь умелая режиссерская акцентировка. Скажем, подчеркнуть непримиримость журналиста Франко Тараска, олицетворяющего прогрессивное начало.

На сцене же Карагандинского театра пьесу трудно узнать вообще. Там есть только растопленное влияние и нет никакого призыва к борьбе... Поз за навес Фабио Морара, торговец живым товаром, покупает заводно и «не в меру деваку газетенку», представитель которой, Франко Тараска, единственный противостоит злу. Ни-

тельного зрителя не удовлетворит ни пьеса, далекая от насущных проблем современности, ни режиссерская трактовка темы. А делать ставку на невзыскательность — значит работать «на кассу» и не шадить авторитета театра.

Есть ли повод удивляться тому, что ибсеновская «Нора» идет обычно при полупустом зале, что «Дети солнца» Горького «не доходят» до зрителя? Те, кто увлекается «Чужой головой» и «Опавшими жизнью», на «Нору» не поймут.

Норвежский классик, бесспорно, не сравним с тем же Каллегары. Но все же разное отношение к ним зрителя зависит прежде всего от режиссуры. Медлительная повествовательная манера Ибсена с его